

глядя на окна. Но что это значить — тамъ было совершенно темно! Онъ торопливо остановилъ извозчика, выскочилъ изъ санокъ и сильно дернулъ за звонокъ.

— Варя! Здорова барыня?

— Какъ же, онѣ изволили уѣхать.

— Уѣхать? куда?

— Не могу знать.

— Кто-нибудь былъ?

— Были-съ. Г-нъ Прягинъ.

— А!

— Съ ними изволили уѣхать. Говорятъ: „скажите, Варя, барину, что я очень не скоро вернусь, что я, говорятъ, простужусь“...

Федоръ Игнатьичъ искоса посмотрѣлъ на горничную смѣшнымъ взглядомъ.

— Вотъ отдай извозчику деньги, и потомъ, — чтобы никогда не было темноты. Я не люблю, когда въ домѣ темно. А когда барыня возвратится, ты скажи, что баринъ тебѣ не повѣрилъ и зналъ, что барыня скоро вернется и не простудится.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ, Федоръ Игнатьичъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ и насвистывалъ.

— Велика важность, что я не пріѣхалъ къ обѣду! Изъ-за этого говорить такія вещи горничной! Уѣзжать ночью съ человекомъ, который — она должна знать — мнѣ, въ сущности, не-приятель! Грозить, что простудится! Дитя! Я считалъ ее серьезнѣе! Нехорошо. Но я не подамъ вида. Я не буду огорченъ, нѣтъ, я буду шутить и смѣяться, а для этого мнѣ достаточно только вспомнить моего милаго Васю Рѣзникова!

Вошла Варя и сказала, что подавъ обѣдъ.

— Что ты, я ужъ давно обѣдалъ. Я хочу теперь чаю.

Онъ продолжалъ одинъ ходить по кабинету.

— Женщины — это ужасные деспоты. Не смѣй дыхнуть по своему. Я обожаю Раису, но я никому не позволю командовать...

Посвистывая, онъ сѣлъ въ свое удобное кресло, которое купила ему Раиса, и хотѣлъ читать. Но книга показалась ему скучной. Онъ смотрѣлъ на рисунокъ голеностопнаго сочлененія, и губы его высвистывали арію, а мысли были далеко — въ томъ неопредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ была теперь Раиса.

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ она? Нѣтъ, она тысячу разъ не-права! — воскликнулъ онъ и швырнулъ отъ себя книгу. — Кажется, пустяки, что ея нѣтъ, — разумѣется, она вотъ сейчасъ вернется и